

Этот пронизывающий холод, как ни странно, смягчил жгучую боль, охватившую внутренности и мозг, и дал Бай Кэ возможность немного перевести дыхание.

Он невольно простонал, оказавшись между двумя крайностями — огнём и льдом. В тот момент, когда он больше не чувствовал ни капли жара, леденящий холод тоже внезапно исчез без следа.

Наконец вырвавшись из плена боли, Бай Кэ обессиленно соскользнул со стула на пол, прислонившись к ножке стола, и, опустив голову, тяжело дышал.

Волосы на лбу, мокрые от холодного пота, свисали, скрывая его ещё не успокоившееся лицо.

Его пальцы всё ещё сжимали колокольчик, свисая в сторону и слегка дрожа, словно у него больше не было сил поднять руку.

Нет необходимости звонить в третий раз. Бай Кэ, прислонившись к ножке стола, долго отдыхал, прежде чем разжать почти судорожно сжатые пальцы и отпустить маленький изящный колокольчик.

Он попробовал почувствовать рану на языке и обнаружил, что кровь, которая непрерывно текла, перестала сочиться, а вкус крови во рту стал слабее.

Чувство бурления в желудке тоже почти исчезло, и на лбу осталась лишь лёгкая пульсирующая боль, словно там прятался кролик, который прыгал, отдыхал и снова прыгал.

Линь Цзе, стоявший рядом, был в шоке.

Когда он впервые увидел, что с Бай Кэ что-то не так, он присел, чтобы помочь ему, но вскоре обнаружил, что Бай Кэ, который выглядел примерно такого же телосложения, как он, внезапно обрел невероятную силу. Он изо всех сил пытался оторвать его руку от стола, но не смог, и мог только смотреть, как Бай Кэ срывает краску со стола, загоняя себе под ногти несколько заноз. Линь Цзе почувствовал, будто это происходило с ним самим.

Позже, когда он увидел, что Бай Кэ пытается позвонить в колокольчик, но у него не хватает сил, он тоже хотел помочь. Но обнаружил, что колокольчик был так крепко сжат Бай Кэ, что почти деформировался, и он не мог его вытащить.

Не зная, что делать, Линь Цзе мог только наблюдать, как Бай Кэ испытывает нечеловеческие страдания, ругая себя за бесполезность, и одновременно защищая его, чтобы он не ударился о ножки стола или стула.

— Чувствуешь себя лучше? — осторожно спросил Линь Цзе, когда Бай Кэ наконец начал успокаиваться.

Бай Кэ, опустив голову, тяжело дышал, а затем, через некоторое время, поднял руку и слабым голосом произнёс:

— Ничего.

— Ничего?! Твои губы уже похожи на вампирские, всё в крови!

Бай Кэ инстинктивно лизнул губы, а затем вытер их рукавом, вероятно, опасаясь, что если крови станет больше, духовная пилюля и пилюля Семи Звезд внутри него станут ещё более

ужасными.

— Дай колокольчик, я вызову Арахиса. Кстати, разве тайная сфера не связана с зеркальным сюнь? Почему тут всё в хаосе, а он до сих пор не появился? — с недоумением спросил Линь Цзе.

— Наверное, ушёл, — наконец избавившись от последних неприятных ощущений, Бай Кэ откинулся на угол стола, и его лицо снова стало бесстрастным. — В тайной сфере я слышал, как старик Юй что-то говорил ему. У них есть свои дела, и мне не нужно всегда звать его, разве нет? Иначе это будет похоже на то, что я использую его как призванного зверя.

Представить человека, чьё мастерство превосходит даже наставников знаменитых сект, в роли призванного зверя? Линь Цзе тоже почувствовал, что, возможно, зашёл слишком далеко.

Он присел, наблюдая при слабом свете за этим на вид худощавым и спокойным, но на самом деле невероятно стойким сверстником, и невольно почувствовал восхищение. Однако вскоре его взгляд остановился на лице Бай Кэ, которое было бледным, без единого намёка на румянец, что делало красное родимое пятно вокруг глаз ещё более заметным. Даже для Линь Цзе, который уже считал его другом, этот вид был немного пугающим.

Линь Цзе кашлянул, чтобы отвлечься, и, взяв Бай Кэ за руку, произнёс:

— Я помогу тебе лечь на кровать и отдохнуть, а потом принесу тебе что-нибудь поесть.

Бай Кэ не двигался, а через некоторое время прошептал:

— Не надо, я просто посижу здесь.

— На полу так жестко, разве это сравнится с кроватью?

— Нет.

— Почему ты упрямисься?

Бай Кэ помолчал, а затем произнёс:

— Грязная одежда не ложится на кровать.

Линь Цзе растерялся:

— Черт, ты чуть не умер, а всё ещё привередничаешь!

В итоге Бай Кэ всё же лёг на кровать.

Только потому, что духовная пилюля внутри него была настолько странной, что после мучений она проявила и полезные свойства —

Она заставила тело Бай Кэ заживляться в несколько раз быстрее, чем у обычного человека.

Маленькая рана на языке, которая ещё недавно была кровавой дырой, теперь полностью зажила. Бай Кэ попробовал легонько укусить место, где была рана, и не почувствовал ни малейшей боли — она зажила полностью. Раны от заноз под ногтями тоже исчезли, и, смыв кровь, руки стали выглядеть так, будто он вообще не царапал стол.

Бай Кэ, прислонившись к ножке стола, отдохнул всего полчаса, и все его раны зажили, оставив только глубокое чувство усталости и истощения, напоминая, что всё, что произошло, было реальным, а не сном.

Он немного поел из того, что принёс Линь Цзе, затем быстро искупался в деревянной бочке в комнате, смыв липкий пот и остатки крови, и, надев чистую одежду, которую дал Линь Цзе, лёг в постель и мгновенно заснул.

Линь Цзе, закрывая за ним дверь, покачал головой:

— Этот Бай Кэ действительно невезучий, случайно попал в такие неприятности. Какие же это мучения...

Он проспал почти до полуночи, и, когда проснулся, услышал, как Линь Цзе постучал в дверь и крикнул:

— Эй, Бай Кэ, ты проснулся?

Бай Кэ, только что проснувшись, был ещё более ленив, чем обычно, и просто промычал в ответ, не заботясь о том, услышал ли его Линь Цзе.

— Бай Кэ? — Линь Цзе хотел постучать снова, но услышал шорох в комнате, а затем звук шагов Бай Кэ, шлёпающих в сандалиях.

Бай Кэ быстро собрался, надел одежду ученика Врат Хэнтянь, которую дал Линь Цзе, и вышел.

Как только они вышли во двор, они услышали лёгкие шаги снаружи, и голос Цинь Хэ донёсся издалека:

— Младший брат Бай, ты готов?

— Готов, — ответил Бай Кэ, притворившись слепым, он взял Линь Цзе за руку и, ощупывая стену, вышел за пределы двора.

Цинь Хэ, держа в руке фонарь, оглядел Бай Кэ в одежде ученика и с насмешкой произнёс:

— Выглядит так, будто ты надел чужую одежду.

Бай Кэ спокойно ответил:

— Старший брат, ты прав, я взял её у Линь Цзе.

Снова получив отпор, Цинь Хэ перестал издеваться и, фыркнув, протянул Бай Кэ жемчужину ночного сияния размером с гусиное яйцо:

— Наставник сказал, что пруд Саньцин — святое место нашей секты, и туда нельзя брать обычные вещи. Он велел мне дать тебе эту жемчужину для освещения. Впредь используй только её, и береги её. Если потеряешь, хм...

— Понятно, — Бай Кэ не хотел больше ничего говорить.

Цинь Хэ, который днём был полон злости, к вечеру внезапно стал умнее и больше не лез на рожон.

Так они молча шли, петляя по извилистым тропинкам, пока не дошли до высоких ворот, на которых было написано три иероглифа: «Пруд Саньцин».

— Пришли! — Цинь Хэ поднял глаза и кивнул на ворота.

Бай Кэ и Линь Цзе посмотрели на ворота и увидели, как в густом ночном мраке между ними витает легкий белый туман, наполненный влагой, который окутывал их лица. За воротами виднелась узкая тёмная тропинка, короткая, и в конце её был спокойный пруд, вода которого отражала слабый свет луны. А дальше простирался густой лес.

<http://bllate.org/book/16844/1549974>